

УЛЬЯНА ГРИНЬ

РОЗА
ДЛЯ ВАРВАРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Гринь

Роза для варвара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67424931

SelfPub; 2022

Аннотация

Роза жила долго и счастливо, а потом умерла. Но в рай не попала, и в ад тоже. Она просто попала во всех смыслах этого слова: дикое Средневековье, осаждённый замок, чужие дети, помощи ждать неоткуда. Придётся попаданке выкручиваться самой. И что делать с варваром-захватчиком? Бороться до последнего или сдаться на милость победителя? Душа старой советской закалки в молодом теле – победителю придётся совсем не сладко!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Ячневая каша на молоке	5
Глава 2. Куриный бульон	18
Глава 3. Тюря, а может и попара	31
Глава 4. Кролик в ячмене	47
Глава 5. Отвар коры дуба	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ульяна Гринь
Роза для варвара

Глава 1. Ячневая каша на молоке

Роза Дмитриевна умерла ясным летним утром, примерно в полдесятого, когда за окном всюду чирикали птички.

Виной всему была проклятая каша, которая пригорела. Нет, дело совсем не в том, что, заглядевшись турецким сериалом, Роза забыла про тихонько булькавшую на кухне кастрюльку. Как раз Бехлюль делал предложение Нихаль – разве можно пропустить такое? Конечно, запах горелого добрался до носа Розы не сразу. Она только-только высморкалась – уж очень сцена оказалась красивой – и почуяла неладное. Побежала на кухню, запуталась в тапочках, чуть не упала, но успела снять кастрюльку с газа и выключить его... Переволновалась.

А потом пришла боль. Жгучая, нехорошая, совсем нехорошая боль под левой грудью. В один момент зажглась, вспыхнула, будто клочок волос на огне, и Роза ясно осознала, что этот раз будет последним. Сердце покалывало и раньше, но не так сильно, не так остро, не так больно. Она хотела добраться до телефона, чтобы вызвать «Скорую», но ноги не слушались, руки не поднимались, а в глазах расплывался красный туман, мешавший видеть. В странном спокойствии Роза поймала последнюю мысль: «Всё, теперь точно всё!» и кулём рухнула на пол.

Она пролежала так очень долго. Боли больше не было, но

и пошевелиться Роза не могла. Даже глаза закрыть не получалось. Что странно – пересохшие склеры не тревожили зудом. Если бы её просто парализовало... Значит, померла. Вот такой бесславный конец. Разве она его заслужила? В войну выжила, хотя не должна была, всю жизнь проработала медсестрой, сына вырастила, да такого хорошего, доброго и умного! Дочку-красавицу замуж выдала за славного человека, внуков и правнуков дождалась. И умерла от сердечного приступа на собственной кухне... Даже телевизора не слышно отсюда – что там у Бехлюля? Согласилась ли девушка выйти за него замуж? Эх, жалко. Не досмотреть сериал... И внук скоро вернётся из института, младшенький, любимый. Как он расстроится! Плакать будет, наверное... А у неё подол юбки задрался, и не поправить...

Шелест крыльев наполнил кухню. Роза даже не почувствовала движения воздуха, и это было ещё одно доказательство смерти. Ангел в чёрном оказался симпатичным и молодым, с узким, приятным и печальным лицом. Он склонился над Розой и коснулся пальцем её лба. Мгновенно стало легче. Роза смогла шевельнуться и сесть. И даже спросить:

– А в чём, собственно, дело?

– Пора, душа, пойдём со мной.

– Как это? Куда?

– В чистилище, – и ангел укрыл Розу огромным тёмным крылом. Она попыталась возразить:

– Но я не верю в бога!

– Это обидно, но не смертельно, – усмехнулся ангел. – Бог в тебя верит, а это важнее.

– А как же... – Роза оглянулась на своё тело. Старая морщинистая женщина, грузная, с отёкшими ногами лежала на боку с открытыми глазами, подёрнутыми мутной дымкой. Ох и намаются сын с невесткой! Это ж надо поднять, перенести на кровать... А потом гроб тащить кому?

– Не стоит волноваться об оставленной оболочке. Нам пора.

Один миг под покровом из перьев, и ангел выпустил Розу из объятий. Оглядевшись, она подняла брови удивлённо. Белый коридор, множество дверей, и никого. Роза обернулась на спутника, а он только показал рукой направление:

– Иди, Господь с тобой.

– А вы?

– У меня работа.

И он исчез, будто растворился в стене.

Ну что же, делать нечего. Роза вздохнула и пошла по коридору. Хоть бы указатели повесили или поставили кого для справки... Не додумались. А ещё чистилище называется! Правда, чистенько, ничего не скажешь. Ни пыли, ни грязи. Уборщица работает на совесть. Куда же идти-то?

Роза осторожно постучала в ближайшую дверь и, не дождавшись ответа, нажала на ручку. Дверь не поддавалась. Пойдём другую попробуем. Но и там оказалось заперто. Роза двинулась дальше по коридору, пытаясь открыть каждую из

дверей на пути, однако безуспешно.

– Чистилище, – бормотала она себе под нос. – Это и есть чистилище? Для чего оно служит? Очиститься от грехов? А я разве грешила?

Сколько метров она уже прошла, было непонятно. Сколько дверей запертых, тоже не догадалась посчитать. Обернувшись, Роза увидела всё ту же стену, которая не отодвинулась ни на сантиметр, хотя должна была. По всем законам физики. Да что ж такое?!

Со вздохом Роза побрела дальше. Ангел сказал – надо идти, чего стоять на месте... Когда-то она обязательно куда-то придёт. Эту непреложную истину Роза открыла для себя ещё в детстве. Всё заканчивается однажды. Даже жизнь.

Пройдя ещё кусок коридора, Роза подняла руку, чтобы посмотреть на часы, но привычный жест не оправдал себя. Часов не было. Более того – рук у неё тоже не было. Ни ног. Вообще, тело исчезло, испарилось, а сама себе она виделась сгустком белёсого тумана. Прекрасно. Просто великолепно. Это и есть душа? В медицинском про неё не говорили. Нет такого органа в человеческом теле.

Неожиданно для самой Розы одна из дверей внезапно поддалась. Оказалось, за ней круглая комната без окон, а в середине стол, и всё это ослепительно белое. За столом сидит круглощёкая женщина средних лет, типичная сотрудница ЗАГСа или паспортного стола, и что-то печатает на белом же компьютере. За спиной у неё чуть трепещут маленькие

крылышки, которыми принято одаривать полнотелых ангелочков. Роза кашлянула, чтобы привлечь к себе внимание:

– Простите, мне тут сказали...

– Приблизься, – велела женщина тонким мелодичным голоском, не отрываясь от своего занятия.

Роза медленно подошла к столу. Работница чистилища, не глядя, провела ладонью перед лицом и подождала секунду, потом качнула головой:

– В райских списках нет.

– Так а это... Куда мне теперь? – растерялась Роза. Вот так и знала, что сегодняшняя смерть не к добру!

– Попробуй дальше по коридору, огненный кабинет.

– А что там?

– Адов филиал.

Чего это? Её к чертям? Ну уж нет! Она не согласна! Она даже не грешила никогда! Ну, украла хлеба кусок однажды у бесчувственной женщины на улице... Но это от голода, не со злобы! Этот хлеб помог ей выжить! Ей было всего пять лет! А потом... Несколько раз подделывала подпись врача, так ведь помогала людям, не себе, не для наживы! Неужели эти... ангелы не способны понять?

– Иди, иди, не мешай, – махнула рукой крылатая чиновница, и Розе пришлось выйти из комнаты. Огненный кабинет нашёлся через несколько минут. Он был по левой стороне коридора и светился оранжевыми всполохами. Да, там не было двери. Совсем. Розу заметила длинноногая красавица

с длинными изогнутыми рожками на лбу, невежливо буркнула:

– Тебе чего, душа?

– Меня к вам отправила женщина из белой комнаты, – ответила Роза дружелюбно, пытаясь улыбнуться, пока не вспомнила, что у тумана не может быть улыбки. Как всё-таки сложно быть мёртвой...

Девушка капризно повела плечами, показав встопорщившиеся за спиной кожистые крылья, и произнесла томным голосом уставшей дивы:

– Опять эти ангелы низшего разряда! Вечно у них какие-то проблемы со списками! Ну, поближе! Уж не хочешь ли ты, чтобы я сама ходила?!

Хамоватая особа, конечно, но ей, наверное, по статусу положено. Роза решила, что не стоит ссориться с кем-либо, пока она не выяснит, что это за место и как себя здесь вести. Наглецов и хамок она умеет осаживать, но пока, пожалуй, промолчит. Терпения ей тоже не занимать.

Приблизилась. Дьявольское создание небрежно впечатало кисть с остро отточенными коготками в лоб Розе и отдернуло руку, словно обжёгшись:

– Ну и куда прёшь? Тоже мне, грешница нашлась! Возвращайся обратно к ангелам, пусть ищут в своих лагающих списках. Сюда мы тебя не примем.

Роза вздохнула с досадой. Да что ж такое, в самом деле! Прямо как при жизни – гоняют и гоняют по кабинетам, хо-

рошо хоть никаких бумажек не требуют... А может, и правда, белая дама ошиблась? Может, место Розы в раю? С надеждой схватилась за грудь и обнаружила снова, что бестелесна. Эх, лежит её «оболочка» на кухне и поджидает, когда внучок вернётся... Хотя быть просто душой тоже неплохо. Ни тебе одышки, ни боли в коленях, ни ломящей поясницы. Даже кофе уже не хочется, разве что сериал досмотреть.

Сколько времени Роза провела между двух кабинетов, она затруднялась сказать. Часов-то не было! Но погоняли её на славу. Потом обе женщины выскочили в коридор одновременно и принялись ругаться, обзывая друг друга совершенно приличными словами. Ангелочек оскорбилась на «крылатую красотку», а дьяволица – на «красноглазую шестёрку». Что в этом было обидного – непонятно, да и смешно было за ними наблюдать. Роза не выдержала и прыснула, прикрывая рот ладонью. Воображаемый рот воображаемой ладонью.

Обе дамы замолчали, как по команде, причём глаза их полыхнули золотистым и алым сиянием. Роза пробормотала:

– Извините, пожалуйста.

– Прямо по коридору до конца, сядь в зале ожидания! – рявкнула дьяволица.

– Совсем эти души страх потеряли, – поддакнула ангелочек.

Роза пожала плечами и, проскользнув между них, поспешила по коридору к концу, которого не было видно. То ли она слишком медленно движется, то ли коридор бесконеч-

ный. Попробовала ускорить шаг – способ передвижения, потому как ног всё-таки не было – и уже через час или три минуты попала в торец коридора. Там было уютное помещение в виде яйца вид изнутри, над полом плавали облачка, словно воздушные подушки, на них валялись странные штучки, похожие на музыкальные инструменты. Вот это флейта, это что-то вроде мини-арфы, а тут асимметричная гитара. Роза хмыкнула, устраиваясь на одном из облачков. Потренировать, что ли, вспомнить молодость? Лихие шестидесятые... Медицинское училище... Студенты, будущие врачи, и они, смешные медсестрички с завитыми кудряшками, с халами и начёсами на головках, в коротеньких юбочках... Эх, какие были времена...

Нет, пожалуй, лучше тут ничего не трогать. Интересно было, до чего договорятся или, точнее, доругаются представительницы рая и ада? И когда?

Роза снова вздохнула. Времени предостаточно было, чтобы сериал досмотреть. А теперь сиди тут и кукуй. Справедливости ради она отметила, что сидится на облачке неплохо. Ни тепло, ни холодно, ни кушать, ни в туалет не хочется... Впереди вечность.

– Эй! Пс-с-ст! Душа!

Обернувшись, Роза заметила странного человечка в сером с узким лицом и тонкими руками. Человек наполовину высунулся из стены и усиленно махал Розе, привлекая внимание, потом спросил:

– Что? Никак не могут разобраться?

– Вроде как да.

– И не разберутся. У них тут иногда такое случается... Вот в последний раз... Когда же это было? Да неважно. Было тут душ пятьсот, томились, маялись, ждали, а эти всё ходили выясняли – почему столько, почему не запланированы, куда пристраивать! Чиновники, тьфу! Бюрократы!

Роза кивнула согласно. Бюрократы как есть. А ей сиди тут, жди. Кашу не поела, а ведь хорошая каша была, ячменная! Ну, пригорела немного, ничего страшного... Сериал не досмотрела...

– В связи с этим у меня к тебе есть предложение, – продолжал человечек. – Вижу, ты женщина умная, интеллигентная, смерть приняла внезапную, хотя и в приличном возрасте... Кто знает, куда они тебя определяют, но по мне – что рай, что ад, всё одно! Там страдания, а там скука скучная.

– А предложение? – спросила Роза.

– Есть у меня душа, которая вот-вот вознесётся на небо. А тело живо. Предлагаю занять её место. Торопись, ты ограничена во времени, чтобы принять решение!

– Что за тело? Можно узнать побольше, как-то боязно так, ни с того ни с сего...

– К сожалению, я связан профессиональной тайной, – человечек вздохнул горестно, дав понять, что он бы с радостью, но... Дюра лекс сед лекс! А Роза всё равно сомневалась. Конечно, предложение было заманчивым – хоть не ждать здесь

вечность, а как бы родиться заново, возможно, стать ребёнком... Это просто здорово, но где-то в глубине души (ах-ах, какой каламбур, Витя бы оценил!) появился вопросик: а что, если тело больно? Мало ли в какого инвалида её подселят! Потом мучайся ещё одну жизнь...

– Ну, скажите хотя бы состояние здоровья, – подозрительно попросила Роза. – Возраст, пол...

– Тело в хорошем состоянии! – отрезал человек. – Больше ничего не могу добавить. Решайтесь! Сейчас или никогда!

Всю жизнь Роза была женщиной осторожной. Всю жизнь боялась сказать что-то не так или сделать глупость. Не на работе – там она и сама себя проверяла, и другим давала проверять. В жизни всё оглядывалась на людей, думала – что скажут, как посмотрят? Но теперь она была мертва. От Розы Дмитриевны осталась только душа. И ей ужасно захотелось вдруг вернуться на землю, снова обрести тело. В хорошем состоянии, пусть даже немного б/у, но тело! Ведь это самое главное сейчас, а трудности Розочке всегда были нипочём. С самой войны.

– А давайте! – она задорно махнула рукой и приосанилась. – Я решилась.

– Удивительно мудрая душа! – восхитился человек, покрутил головой во все стороны и заговорщицки кивнул: – Пойдём со мной, я отведу тебя к телу.

– А как всё произойдёт? – с любопытством спросила Роза,

приближаясь к стене и человечку. – Как мы туда попадём?

– Это уже не твоя забота, – пробормотал он, хватая её за руку (?) и втягивая внутрь стены. Роза даже пикнуть не успела, как оказалась в темноте, пустоте, абсолютно безмолвной и нейтральной. И вот тут стало по-настоящему страшно впервые с того момента, как боль в сердце сразила её тело. Наверное, Роза даже потеряла сознание...

Сердце колотилось, будто старенький будильник верещал и подпрыгивал на тумбочке. Сердце? О-го-го! У неё опять есть сердце! И оно стучит! Роза вдохнула, выдохнула, чувствуя, как лёгкие жжёт огнём, потом снова и снова, пока они не заработали сами. В голове постепенно прояснилось. Она живая. Живая! И только сейчас поняла, какое это счастье – ощутить собственную жизнь даже на кончиках пальцев...

Ещё несколько минут Роза просто лежала, с наслаждением вдыхая знакомый запах камфоры, эвкалиптового масла и ладана. Стоп. А ну-ка! Интересно, откуда в больнице ладан? Спиртом должно пахнуть, а не этой церковной смолой! Значит, это не реанимация, не палата... Где же Роза оказалась? Надо бы открыть глаза, но так боязно... Эх, как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Опять каламбур, ну да ладно.

Веки медленно дрогнули, подчиняясь приказу мозга. Роза увидела – сперва нечётко, потом всё яснее – нависшую над ней ткань тёмно-бордового цвета. Зрение восстановилось до такой степени, что на бархате балдахина было видно каж-

дую ворсинку, каждую складку. Никогда такого не ощущала! Ведь с детства была близорукой. А тут... Словно в чужом теле оказалась.

Батюшки, да ведь она и есть в чужом теле! Видать, и правда, в приличном состоянии, даже зрение отменное. А вот с мышцами пока плохо. Не слушаются. Тренировать надо – сначала пальчик, потом второй, потом целую руку. Роза попробовала, но получалось очень плохо. Ну ничего, лиха беда начало. Так она всегда говорила своим пациентам, например, после инсульта. Вот те были прямо как она сейчас.

Скосив глаза, Роза глянула на свою руку. Указательный палец затрепыхался, поднялся на сантиметр, и вдруг... Из-под ногтя – тонкого, узкого, почти синего от белизны – вырвался стремительный вихрик и метнулся по комнате, отгибая полог балдахина, шевеля поникшие головки тюльпанов и роз. Закружился, растрепал и без того лохматые короткие волосы девушки, сидевшей в кресле с пергаментом. Вскинув голову, та проводила изумлённым глазом невидимый порыв ветра и перевела взгляд на Розу. Выражение её лица было напуганным. Девушка, совсем молоденькая, подросток, была одета по старинной моде в длинное платье с закрытым верхом и рукавами-буфами, а на груди блестел медальон в виде круга со спиралью внутри. И всё это очень плохо сочеталось с короткой стрижкой.

В больших серых глазах вспыхнул страх, сменился недоверием, а потом девушка вся буквально затряслась. Отбро-

сив шитьё, она вскочила, не сводя с Розы взгляда, и бросилась вон из комнаты с криками:

– Святой брат! Сестрица очнулась!

Глава 2. Куриный бульон

Сестрица?

Куда она, Роза, попала? Серый человечек ничего толком не сказал, выкручивайся, мол, как знаешь и умеешь... Выкрутимся, конечно, не впервой. Но знать надо. Знание сила. Ещё Витя говорил, поднимая серьёзный взгляд над развёрнутой «Правдой»: «Информация, Розочка, первое и главное оружие. Если, конечно, знать, как ею пользоваться».

Надо быть осторожной и не выдать себя. Молчать, слушать, учиться. Взять хотя бы язык. Очень странно, ведь девушка явно говорила не по-русски, но Роза поняла её слова. Возможно, память тела... В нём больше нет прежней души, но осталось знание. А душа Розы вдохнула в него жизнь. Осталось лишь прислушаться к порывам тела, принять их и применять сознательно.

От непрерывного шевеления пальцы начали просыпаться, и вскоре Роза смогла приподнять кисть и даже покрутить запястьем. Воодушевлённая успехом, она принялась за пальцы ног. И тут из коридора донесся громкий шорох юбок, стук подошв по камню, взволнованные охи. В комнату вбежал мужчина в платье священника и бросился к кровати:

– Розита! Моя девочка! Ты жива! Манни, какое счастье!

Манни, та самая девочка-подросток с лохматой головой, кивала, хмуря брови, у дверей. Священник оказался не

слишком старым, на вид лет сорок-сорок пять. Седые космы его болтались сосульками, а руки были не очень чистыми, с чёрными каёмками под ногтями. Розу от этого прямо пере-дёрнуло – с училища терпеть не могла немытые руки... Но святой брат схватил её пальцы, прижался к ним губами, чуть не плача:

– Розита! Какое счастье! Мы все спасены!

Интересная история! От чего они все спасены? Так, два факта уже известны: её тело зовут Розитой, и она мама вот этой девушки. Святой брат вроде как привязан к Розите. Хорошо. Осталось только узнать, в какое место Роза приземлилась. И чем грозила её смерть этим людям.

– Розита, может быть, тебе хочется пить? Может быть, принести немного еды?

– Да!

Она и сама не поняла, как вырвался этот звук из горла. Но он таки вырвался, и Роза подивилась – каким он был хриплым и сильным, новый голос.

– Розита хочет есть! – восторженно возопил святой брат, воздев руки, отчего рукава его балахона соскользнули к плечам, открыв небритые седые подмышки. Роза вздохнула. С гигиеной тут явно проблемы... А менять всё придётся именно ей, Розе, потому что святой брат ляпнул о её важности.

– У нас нечего есть, – мрачно ответила Манни.

– Розите нужен куриный бульон! – мягко возразил святой брат. – Поди на кухню, вели поварихе приготовить, а пока

собери сыру и хлеба.

– В замке осталось всего две курицы, – чуть не плача, возразила девушка, с неприязнью глядя на священника. – Если мы нарежем одну для бульона, не будет яиц!

Роза насторожилась. Что значит – всего две курицы? А сколько было? И почему не осталось?

– Розита важнее кур! – твёрдо заявил святой брат и даже брови сдвинул сердито.

Кашлянув, Роза подняла руку:

– Простите, а что тут происходит? Куда пропали куры?

На неё уставились две пары очумелых глаз: тёмные и живые Манни, блеклые голубые – святого брата. Затем в них появилась тревога. Священник поднялся с пола и осторожно спросил:

– Розита, девочка моя... Скажи мне, ты себя плохо чувствуешь?

Ляпнула... Надо было как-то тоньше, исподволь. Куры эти... Роза смущённо улыбнулась, лихорадочно придумывая легенду:

– Мне лучше, но отчего-то не помню про кур.

– Съели мы их, – Манни из тревожно-мрачной превратилась в совсем угрюмую девочку, отошла от кровати и снова уселась в кресло. Но вышивку не взяла, просто села, глядя в узкое окно.

– А какой сейчас год, Розита? – поинтересовался святой брат вкрадчиво.

От рождества Христова? Розе захотелось пошутить, но она прикусила язык. Больная – это ничего, но всяко лучше, чем сумасшедшая. Нельзя допустить, чтобы её закрыли в палате с мягкими стенами...

– Я не помню, святой брат, – смиренно ответила она. – Моя память играет со мной злые шутки.

– Эло милосердный... – прошептал священник, трогая пальцами, сложенными в щепотку, плечи и щёки. Крестится, что ли, он так? Надо запомнить. И Эло – это их местное божество?

– Вы её не отшепчете, святой брат, – резко вмешалась Манни. – Лучше скажите. Может, вспомнит?

– Год пять тысяч триста сорок второй от сотворения мира в звездном храме, – ответил священник. – Вы находитесь в замке Хогван, вы его владелица, лисса Розалия Хогван. Ведь вы помните меня и вашу сестру лиссу Магнолию?

– Господи, нет, не помню.

Роза покрутила головой, чувствуя, что тревога растёт в груди. Э нет! Серый человечек обещал... Хотя ничего он как раз и не обещал, кроме здорового тела. И тело здорово, по крайней мере, восстановление жизненных функций происходит быстро и безболезненно... Но вот окружение этого тела... Владелица замка! Лисса какая-то там...

Роза мысленно обругала себя. Дурёха! Лучше уж владелица замка, чем последняя служанка. Радоваться надо. Нет, погодим пока радоваться. Узнать надо, что там с курами... По-

чему Магнолия (господи, что за имя?) так помрачнела при упоминании кур?

– А кур зачем съели? Неужели не догадались цыплят вывести сначала?

Святой брат снова закрестился и испуганно ответил:

– Так ведь цыплят первыми съели... Потом петуха...

– А купить? Денег нет? Мы бедны?

– Вы идиотничаете, сестра! – скривилась от ярости Мани. – Прекрасно знаете, что замок осаждён! Где купить-то?

И она вышла из комнаты стремительной, хотя и несколько угловатой для девушки походкой.

– Осаждён?

Роза поперхнулась этим словом, и разом всплыли воспоминания детства – такие живые и яркие, словно это было вчера. Голод. Холодная комната. На потолке и на окнах иней, он таинственно блестит в свете зарева на улице – это горит соседний дом. Дров давно нет – сожгли всё, что можно. Хлеба осталось совсем чуть-чуть, но есть его сейчас нельзя, надо подождать до вечера, когда вернётся с работы мама. Она стала костлявой и какой-то зеленоватой. Она обязательно принесёт в платочке кусочек чего-нибудь съедобного... А пока её нет, лучше сидеть на кровати, кутаясь в одеяла, и не двигаться, чтобы не устать. Маленькая Роза понимает это очень остро, хотя ей всего пять лет...

Тогда тоже город был осаждён, и еды не было. Даже кур не было. И хлеба. А тут всё не так плохо – есть даже сыр!

Война... Как он мог, этот противный серый человечек, снова забросить Розу в войну?! Ведь он наверняка был осведомлён о её прошлом, о том, как она пережила блокаду, как осталась круглой сиротой, как ей было плохо и страшно... Он знал, точно знал. Нарочно сделал, не иначе!

– С кем война, можно узнать?

– С варварами, – отозвался святой брат. – С кем же ещё? Вот уже год идут и идут на север, ни один из замков не смог им противостоять...

Он горестно вздохнул, снова воздев руки к потолку, и Роза машинально проследила взглядом в том направлении. Между толстыми деревянными балками были трещины. Ох, ёбнется... Что ж Розита, безвременно почившая, не следила за замком?

Варвары. Война. И кур нет. Роза тоже вздохнула и решила попытаться встать. Нечего разлёживаться, надо знакомиться со своей новой жизнью.

– А какие они, варвары? – спросила, аккуратно шевеля ногами. Те слушались ещё плохо, но с каждым движением отзывались всё активнее. Святой брат с сомнением смотрел на эти поползновения, даже не пытаясь ответить. За него это сделала вновь вошедшая Манни, правда, в своей манере – зло и вредно:

– А вы выглядяйте в окно, сестрица, вон их полным-полно за стенами замка! Вонючие, полуголые, шумные, как стая шакалов!

– Милое сравнение, – усмехнулась Роза, поворачиваясь на бок.

– Слишком лестное! – отрезала Манни. – Шакалы хотя бы полезны, а это отродье лишь убивает, грабит и сжирает всё на своём пути, как голодная саранча!

Молча Роза оперлась локтем о кровать, схватилась за балдахин второй рукой и рывком села. Святой брат шарахнулся от неё и отвернулся, мелко и быстро крестясь. Манни вскрикнула:

– Сестра! Вы бы хоть прикрылись!

Роза испугалась, что лежала под одеялом голышом, но нет. На ней была длинная ночная рубашка типа «балахон», скрывавшая всё тело. Почти всё. Колени оказались на виду, и с плеча ткань сползла от движения. А коленки-то красивые! Прямо как в молодости! Лет сорок уж не видала в зеркале таких! Ох, будто в послевоенное время вернулась. Щиколотки тоненькие, ровненькие! Правда, волосатенькие... Сейчас бы девки в обморок рухнули, увидав такое, а раньше на это и внимания не обращали. Хотя у Розы и волосы были светлые, и растительности на теле почти не было видно, а она пемзой тёрла лодыжки. Есть ли в этом мире пемза?

Манни накинула ей на плечи тяжёлый, смердящий потом и собаками балахон, и Роза против воли закуталась в него. Да, если бы не ладан, тут бы воняло. Внуки когда-то спорили про Средневековье: мылись там или не мылись. Один кричал, что даже срали в Лувре, а второй доказывал, что были

бани и даже много. Похоже, тут как раз срущие в Лувре...

– Вы бы полежали ещё.

– Да, Розита, нельзя так сразу вставать, – согласился с Манни святой брат. – Ведь не шутка падение с лошади...

– Я упала с лошади? – Роза насторожилась. Если окажется, что Розита отлично ездил верхом, ей конец. Ведь она-то не умеет...

– Да, и хорошо, что у самого замка! Иначе варвары бы тебя схватили, и нам пришлось бы сдаться на милость врага!

– Зачем же она... я туда попёрлась? – пробормотала Роза, делая несколько неуверенных шагов в сторону окна. Манни фыркнула и демонстративно села в кресло. Святой брат предложил Розе руку:

– Обопрись на меня, дитя моё. Ты хотела достать полыни, ибо мы все завшивели здесь.

Роза непроизвольно схватилась за голову, с ужасом почесалась. Ей показалось, что волосы кишат вшами, но показалось ли? Господь милосердный, только не это! Есть здесь какая паршивенькая баня? Ох, не до бани... Роза выглянула в окно, почёсывая затылок. Ёксель-моксель! Вот здесь ей придётся жить?

Замок стоял на холме. С высоты второго этажа – высоко-го, как нынешние торговые центры, куда Розу возили внуки – был виден лес. Только лес. Один сплошной лес... За каменной стеной, окружённой рвом, разместился лагерь. Маленькие издалика полуголые воины боролись между шатров,

покрытых шкурами. Ржали лошади – Роза видела их, приземистых, косматых, безучастных. В воздух поднимался дым от костров, донося до замковых окон запах жареной птицы.

Спазм пустого желудка заставил Розу поморщиться. И кашу не успела поесть, и тело оказалось голодным... А в замке две последних куры...

– Лисса Розалия!

Молодой женский голос с пронзительными взволнованными нотками заставил Розу обернуться к двери. Это служанка – она в тёмном, наглухо застёгнутом до горла платье и в белом переднике. Когда-то бывшим белым. На голове – покрывающий светлые, почти золотистые волосы чепчик с загнутыми уголками. В руках поднос.

– Подойди, Арика, – святой брат жестом пригласил девушку в комнату.

– Лисса Розалия, мы так рады, что вам уже лучше, – с неловким книксеном Арика поставила на столик поднос. Роза едва удержалась, чтобы не облизнуться – пышный чёрный хлеб и истекающий слезой желтоватый сыр! О, как же она голодна!

Наверное, надо что-то ответить служанке... Что бы сказала лисса Розита ?

– Благодарю, Арика.

– Покушайте, лисса Розалия, а вот и ваш любимый чай из Melissa!

Роза присела на кресло напротив того, в котором распо-

ложились Манни, и искала нож. Его не было. Неужели в этом мире (или в этом времени?) едят руками? Да ладно! Это плохо. В сочетании со «срушим Лувром» это может означать лишь одно: глубокое Средневековье, чума, холера, войны и абсолютная бесценность человеческой жизни.

Роза содрогнулась. Нет, это просто кошмар какой-то! А она ещё боялась, что ей подsunут больное тело! Да тут это тело живёт в среднем тридцать лет! Женщина рождает детей одного за другим! И чаще всего умирает в родах или сразу после них! Ох ты... Нет бы отправить её в цивилизованную страну, в мир, где есть медицина, где нет конфликтов... Ну, серый человек! Берегись!

Хотя чего ему беречься... Роза его больше никогда и не увидит. Разве что после смерти, но, если трезво смотреть на вещи, тогда ей будет уже всё равно.

Как говорил правнучок?

«Я культурно ошарашен».

– Розита, девочка моя, что с тобой?

Вопрос святого брата вывел Розу из накрывшего её ужаса. Тряхнув головой, она ответила хмуρο:

– Ничего особенного. Я забыла, как это едят.

– Манни, – растерялся священник, – я никогда раньше не слышал о таком! Розита, а что ты помнишь?

– Ну... я даже не знаю...

Манни решительно встала, подошла к Розе и, отломив пальцами кусок сыра, положила его в горбушку хлеба. По-

дала:

– Ешьте, сестра.

– Спасибо, – тихо сказала Роза, а Манни дёрнула плечом:

– Вы меня кормили в детстве, теперь моя очередь.

– Лисса Магнолия провела у твоего изголовья несчётные часы, – наябедничал святой брат. Роза кивнула, с удивлением глянув на девушку. Та не казалась такой уж прилежной сиделкой. Однако не было повода не верить священнику. Хлеб с сыром оказались кисловатыми, но вполне съедобными. А голод не тётка. Впрочем, есть Роза быстро не стала, памятуя о детстве. Когда их вывезли из кольца блокады, кормили понемножечку, очень маленькими порциями. Позже, уже в медицинском техникуме, поняла – чтобы не умереть от переедания. Неизвестно сколько голодало тело Розиты.

Но Манни твёрдо решила не дать Розе насладиться едой. Она прошлась по комнате, шурша юбками, и заявила:

– Уж теперь-то, сестра, я смогу показать вам, на что я способна! Я хочу умереть на стенах замка с луком в руках, а не за вышивкой в своей комнате!

Роза аж поперхнулась куском хлеба. Поскольку никто не помог ей, она сама хлопнула себя пару раз по груди и спросила осторожно:

– А почему, собственно, ты собралась умирать?

– А какой у нас есть выбор? – девушка улыбнулась, прищурив глаза. – Вы что же, решили сдаться, пока лежали в горячем бреду?

Роза ничего не ответила. Пока жевала, лихорадочно соображала. Сдаться – значит, отдать замок на растерзание и разграбление. Варвары оказались ей совершенно дикими существами, воинственными и беспощадными. Но какие у обитателей замка есть силы, чтобы противостоять им?

– Я ничего не решила. Святой брат, сколько у нас солдат?

– С пяток ещё боеспособны, да и я могу меч в руке держать! – священник потряс поднятым в воздух кулаком. Роза хмыкнула:

– Держать-то и я смогу. Пять солдат? Это же очень мало!

– Остальные были убиты в начале осады. Двое валяются от голода...

Роза встала, с изумлением глядя на святого брата, потом подала ему деревянный поднос со своим обедом:

– Так накормите их! Что за глупая жадность?

– А что ты будешь есть, Розита?

– Вам нужно набраться сил, сестра!

– Сил у меня предостаточно, – отрезала Роза, повернувшись к Манни. – Во что мне одеться? Я хочу осмотреть замок.

– И замок забыли, лисса Розалия? – с ехидством спросила девушка, но Роза сразу поняла, что она маскирует тревогу и чуть ли не панику. Бедная, бедная Манни! Даже захотелось обнять и утешить её, но Роза не стала делать этого. Мало ли, вдруг тут не приняты обнимашки. И этому слову научил бабушку правнучок. Вот так прибегал с учёбы, сбрасывал сум-

ку с плеча и к Розе: «Бабуль, обнимашки!»

Как они там без Розы... Жалко, что она не может увидеть в последний раз своих дорогих и любимых. Дочка, наверное, плачет. Уж очень они были близки. Приедет ли сын с вахты на похороны? И где поминки устроят – дома или в ресторане? Дома лучше, конечно, как-то душевнее. И Антоновна приползти сможет, эта старая плесень уж года два как не спускается по лестнице, но уж до квартиры своей подружки дошкандыбает...

Роза тряхнула головой, отгоняя мысли об оставленном доме, и протянула руку Манни:

– Покажешь мне всё?

Девушка подставила ей локоть и пробурчала невежливо:

– Да уж покажу. Святому брату необходимо пошептать за ваше здоровье.

Глава 3. Тюря, а может и попара

Замок был тёмным, стены давили, камень холодил до самой души. Такую обстановку Роза видела в исторических сериалах. Вот в тех самых, средневековых, про королей и королев. Не «Великолепный век», конечно же. Там шика побольше. А тут голые камни, промазанные старым раствором, балки тёмного дерева, тяжёлые двери. Кое-где на стене висели побитые молью гобелены и просто шторы. Свечи, скудно освещавшие коридор, воняли палёной свиньёй, и Роза поморщилась. Кроме свиньи, в воздухе витали запахи сырости, плесени, мокрой собаки и – особенно сильные – грязных носков. Если бы тело было более восприимчиво к сим ароматам, Роза точно упала бы в обморок. А так только помахала ладонью перед носом.

– Господи, как воняет...

Сестра удивилась:

– Чем? Я не чувствую.

– Принюхалась, наверное. А мне привыкнуть надо.

Манни ехидно усмехнулась:

– Вам, может, эвкалиптового бальзаму дать на платочке?

– Ага, «Звездочку», – пробурчала Роза, открыв одну из дверей. Всё вышло само собой – рука потянулась к кованой ручке, потянула. Дверь скрипнула, открывшись в маленькую комнатку, всё пространство которой занимала кровать

с пыльным балдахинном. К ней был придвинут тяжеленный сундук, а на нём сидел с ногами темноволосый мальчишка лет семи – чумазый и хмурый. Он строгал маленьким острым кинжалом четвертину полена. А на кровати, закутанная в плетёную из грубых ниток шаль, жалась к подушкам девочка, видимо, его сестра.

– Чьи это дети? – тихо спросила Роза, сразу отметив и худобу, и бледные лица, и настороженные взгляды. Манни фыркнула:

– Я так и знала! Вы теперь нам совсем бесполезны, сестрица. Всё забыли: семью, брата, сестёр... Как есть, как пить, как ходить...

– Я не забыла, как ходить, – возразила Роза. – Ведь я долго была... больна.

– Да мы уж не надеялись, думали – помрёте. А это младшие наши. Лавр, Камелия! Подойдите, поцелуйте руку сестре!

Роза уловила неприязненные нотки в голосе Манни и нахмурилась. Что бы это значило? Девчонка не любит младших? Надо скорее узнать все подробности, но расспрашивать прямо нехорошо. Роза словно со стороны наблюдала, как дети слезли на пол, поправляя сползающие грубые чулки, и по очереди подошли к ней, взяли кисть и неловко приложились к ней губами. Девочка шмыгнула носом, втягивая в себя текущие сопли, а мальчик хромал. Отлично. Здесь точно придётся всех лечить... А антибиотики наверняка ещё

не изобрели... Ну ничего, ничего, зря, что ли, всю жизнь интересовалась травками? Пенициллин выделить трудно, но попробуем иммунитет укрепить...

Ох, не было печали – черти накачали!

– Почему они здесь сидят одни? – спросила Роза, протянув руку, чтобы заправить прядку волос, которая у девочки падала на лицо и постоянно рисковала влипнуться в сопли. Камелия резко отпрянула, зыркнув огромными голубыми глазищами. Она не походила ни на брата, ни на сестру – крепенькая, маленькая, с широким личиком и слегка топорными чертами. В ней не было изящества Манни, ни хрупкости Лавра. И она боялась.

– Не бойся меня, малышка, я тебе ничего плохого не сделаю, – Роза с улыбкой присела на корточки, опершись на стену. Личико девочки оказалось прямо перед глазами, и Роза осознала всю степень запущенности случая. Дикарка, а не ребёнок. Младшая просто сжалась, даже уменьшившись в размерах, напряглась, как котёнок, никогда не знавший ласки, готовый припустить в укрытие при первом движении.

– Пойдёмте, сестра, – Манни нетерпеливо дёрнула Розу за накидку, заставляя встать.

– Иду. Дети, давайте за мной, незачем вам сидеть тут.

Роза поманила младших рукой, они переглянулись, и мальчик ответил сипло:

– Я хочу есть, сестра. И Ками тоже.

– Конечно, я вас накормлю, – Роза ощутила, как жар бро-

сился в лицо – покраснела. От жалости, от гнева? Никто не занимается этими детьми, что ли? Все вьются вокруг больной Розиты? Господи, разве так можно? Злость родилась где-то в районе груди, вскипела, запенила голову, и Роза рявкнула, как на нерадивую медсестру:

– Магнолия, блин! Срочно накорми их!

– О, сестрица! Вы окончательно очнулись, и мы окончательно поняли, что вы сошли с ума, – язвительно заметила Манни. – А кто говорил, что у нас мало запасов? Что надо беречь еду для тех, кто полезен в замке?

Так, Розита сволочь. Но теперь надо как-то исправлять ситуацию. Нет, детей она угробить не даст. Однако надо срочно узнать, на какие ресурсы можно рассчитывать. Роза сдвинула брови, надеясь, что получилось так же грозно, как и раньше, и ответила сестре:

– Не пререкайся! И пошли на кухню. Дети, следуйте за мной.

Она двинулась на выход и уже на лестнице сообразила, что не знает, где тут кухня. Но отступать нельзя, позади – вся гордость русской женщины! Роза подбоченилась, несмотря на свой балахон, и решительно взялась за перила.

Тело подчинялось ей уже практически полностью. Она даже не покачнулась, а ноги сами искали ступеньки и находили их. Ощущение, не оставлявшее Розу с того момента, как она встала с кровати, – управлять деревянной куклой, дёргая за ниточки – растворилось в небытие. Теперь хозяйкой тела

была она, Роза Дмитриевна Егорычева, прожившая на свете восемьдесят два года, маявшаяся давлением и тахикардией, камнями в желчном, одышкой, сосудами и варикозом. Тело не маялось ничем. Абсолютно никакой боли. Только желудок ещё поджимало от голода, и голова легонечко кружилась. Но это нормально, это пройдёт. Зато к ней вернулось зрение, а мышцы приятно пружинили при каждом движении.

Никогда не думала Роза отыскать это чувство всемогущества, присущее только молодости!

Словно окрылённая надеждой, что всё будет хорошо, она спустилась на нижний этаж и оказалась в огромном каменном холле. Ни дать ни взять – фойе в их больнице: те же высокие потолки, то же гулкое эхо, тот же каменный пол, правда, совсем не полированный. А ещё в больнице не было такого количества нищих, сидящих прямо на камне, на подстеленных лохмотьях.

Роза растерянно обвела взглядом чумазых женщин, детей и стариков. Сердце замедленно стукнулось в грудь. Ого... Лечить не перелечить... А глаза какие! Какие худые лица... Какие маленькие рахитичные дети! Отовсюду кашель, стоны, хрипы...

Холодные пальцы коснулись её руки, и Роза вздрогнула, опустив взгляд. Поймала глаза мальчика.

– Я хочу есть.

– Сейчас, миленький, – машинально ответила Роза, внезапно осознавая масштаб катастрофы. Человек двадцать

точно. Плюс персонал. Половина – немощные. Как замок ещё держится? На честном слове, ей-богу! На идее? Да, это возможно. Как наши в войну...

Нет, не надо думать о той войне. Сейчас есть вещи поважнее. Роза обернулась к Манни и спросила:

– Кто эти люди?

– Крестьяне из окрестных деревень, – с оттенком легчайшего, почти незаметного презрения ответила девочка. – Попросили защиты, вот, живут тут... Жаль, что вы, Розалия, не помните, из каких соображений решили дать им кров.

– Наверное, из соображений человеколюбия и гуманности? – предположила Роза с усмешкой. Нет, Розита точно не была человеколюбивой. А какой? А хрен его знает. Пока бывшая обладательница сего тела Розе не нравилась ни на сантиметр. Эх, надо посмотреть запасы и потом заняться всеми этими людьми... Роза кивнула Манни:

– Где кухня? И покажи мне резерв еды.

– Да пожалуйста, – та пожала плечами и махнула рукой в сторону: – Кухня там.

Кое-как они пробрались через живой ковёр из людей, и Роза подобрала балахон, чтобы не мотался по головам. Манни живо наклонилась, дёрнув за ткань:

– Не срамитесь! Надо было одеться хотя бы...

– Прекрати стонать, – фыркнула Роза. – Узнаю всё, что мне надо, и оденусь.

– Вы хозяйка, лисса Розалия, вы лицо нашего замка! На-

шего рода!

– Лисса Магнолия, – Роза глянула девушке прямо в тёмные блестящие глаза. – Не ты ли собиралась стать лучником? Это не слишком-то красиво для вашего... нашего мира? Или я ошибаюсь?

Манни побледнела, покраснела, потом топнула ногой:

– Да, хотела! И хочу! А замуж не пойду, так и зарубите это себе на носу, дорогая сестрица!

– Господи, да никто тебя замуж не гонит, – пробормотала Роза. – Наташка такая же была...

– Кто такая Наташка?

– Никто, – быстро ответила Роза и толкнула дверь без ручки: – Это, что ли, кухня?

Помещение было настолько же не похоже на кухню в маленькой хрущёвской квартирке Розы, как лебедь не похож на русалку. Каменный пол, каменные стены, каменные своды потолка, но доминировал надо всем камин. Или очаг, Роза даже не знала, как правильнее. Широченный, закопчённый, со следами золы... И погашенный. А повариха осунувшаяся. Раньше была толще, это видно невооружённым взглядом. Господи, сколько они тут уже голодают?

– Здравствуйте, – вежливо, хотя и с ноткой жалости обратилась Роза к плотной женщине в длинном холщовом платье, покрытом спереди широким замызганным передником из той же ткани. Повариха всплеснула руками, расплывшись в щербатой улыбке, и заголосила:

– Лисса Розалия! Кормилица! Матушка вы наша! Встали, оправились! Как же вы нас напугали!

Она бухнулась на колени, ища потрёпанными руками её кисть, нашла и приникла к ней губами. Роза застыла, чтобы не спугнуть. В основном, себя. Как привыкнуть к этим проявлениям раболепной любви? Что она, поп, что ли, чтобы ей руки целовать? Да и вообще... Как-то неудобно... Ну зачем женщине в годах ползать на коленях? Нет, это всё надо прекращать... Потом. Вот разберётся с насущными проблемами и будет менять мир.

– Ничего, ничего, всё будет хорошо, – пробормотала Роза по инерции, с усилием отнимая руку. – Покажите мне, пожалуйста, где у вас запасы еды?

Повариха подняла на неё недоверчиво блеснувшие глаза и осторожно ответила:

– А как же вы... Что ль забыли? Это как же так?

– Рада, ты слышала, что хозяйка сказала?

Манни повысила тон, чуть выступив вперёд, и повариха встала, охая и опираясь руками о колени:

– А сейчас, сейчас, что ж нам... Раз хозяйка сказала, мы ж всегда...

Она с поклоном посеменила к двери за очагом, распахнула её и пригласила:

– А вот сюда пожалуйста, лисса! Эт наша кладовая туточки.

Признаться, Розе было очень страшно заглядывать в кладовую. Вдруг таммышь повесилась? Но в тёмной зале сто-

яли мешки. Раз, два, три... Пять мешков размером в половину человеческого роста. Горшки какие-то стояли. Правда, реденько, а на полу виднелись круги и следы, словно вычерченные в пыли. Понятно, раньше было больше. Оценив размеры залы, Роза вдруг представила, как тут теснились запасы продуктов. До потолка, и не протолкнуться! И острое чувство горечи в груди... Это не её чувство! Это воспоминания Розиты. Надо полагать, замок раньше процветал, его хозяева купались в золоте, как дядюшка Утка. Ну, или как его там...

Шагнув к одному из мешков, Роза погладила шершавый бок, пощупала. Мука. Или сахар? Нет, вроде тут сахара быть не должно, тем более, в таком количестве. Средние века – это мёд и фрукты...

– Это мука? – уточнила у поварихи. Та подбоченилась:

– А то как же! А вон тама – пшеница. Однако маловато осталось, зиму нам не пережить, лисса.

– А здесь? – указала Роза на горшки. Повариха резвенько подошла и принялась перечислять:

– Тута капустки немного, тута яблоки – только замочили, тута... А что у нас тута?

Рада приоткрыла крышку горшка, и по кладовой разлился сладковатый резкий запах чего-то непонятного. Роза наморщила лоб, пытаясь разглядеть содержимое, а Рада обрадовалась:

– Вона как! Ещё жёлуди в черемше с весны стоят!

– Жёлуди в черемше, – повторила Роза. Это извращение,

конечно, но витамины есть. Так, что она сказала? Зимы не пережить? Пшеницы мало... Зима на носу, значит. А варвары, небось, помешали урожаем собрать... Да, хорошего мало, как и пшеницы.

Роза потёрла ладонью лоб. Не нашла привычных морщин и с непривычки отёрнула руку. Надо что-то срочно придумать. Людей надо кормить. Детей...

– Рада, продуктов достаточно, сделайте всем суп или рагу овощное... С хлебом.

– Так зиму ж...

– Немедленно! И накормите детей.

– Сестра, может быть, мы не будем разбрасываться едой для каких-то крестьян? Ведь зимовать ещё в осаде, вы помните? – осторожно спросила Манни, и Роза разозлилась:

– Мы будем держаться, сколько надо, но люди в этом замке от голода умирать не будут!

– Так мы это... Завсегда! – ответила Рада с воодушевлением и метнулась в кухню. На полпути вернулась и заискивающе заглянула Розе в глаза: – А бульончик-то варить? Куриный?

– Не надо, – отрезала она. Повариха шумно выдохнула:

– Ой, слава Эло! Куру так жалко было резать...

– Рада, ты будешь наказана за неповиновение! – рявкнула Манни. – Я же велела резать!

Роза отмахнулась:

– Никто не будет наказан, хватит уже! Рада, варите суп

для всех, а я хочу осмотреть замок снаружи. Можно?

– Можно, – буркнула младшая сестра и мотнула головой: – Одеться надо.

Надо так надо. Роза с готовностью повернула назад к лестнице и поймала цепкий взгляд Лавра. Они с Ками так и стояли у двери, жались, будто неродные. Малышка шморгнула носом, а потом вытерла его рукавом. Сопли размазались по щеке, и Роза вздохнула. Взяла тряпку со стола, оглядела на предмет пятен и присела перед девочкой:

– Давай-ка высморкаемся!

Та отступила за спину брата, а Лавр настороженно спросил:

– Что вы хотите с ней сделать?

– Сморгнуть. А то микробы так и останутся в носу! – объяснила Роза, ощутив свою полнейшую беспомощность. Дети явно не поняли ни слова. Манни за спиной фыркнула, мол, ерунду городит сестрица. Роза покачала головой и сунула платок девочке под нос:

– Дуй!

Огромные раскоряченные глаза смотрели со страхом.

– Дуй, говорю, легче станет!

Ками сложила губы трубочкой и дунула с опаской.

– Носом дуй, дурашка! – засмеялась Роза.

Глаза стали ещё больше, хотя, казалось, это было уже невозможно. Но Ками повиновалась, и Роза по привычке глянула на цвет соплей в тряпке. Красота невозможная всех

оттенков зелёного! Антибиотиков нет, конечно же. Чем лечить непонятно. Ладно, надо снабдить девицу тряпками, пусть сморкается. Чем больше выйдет, тем лучше. А там... Вот соберёмся с мыслями и найдём всё, что надо. Пока – осмотр замка.

– Рада, накормите их немного, но сытно, – распорядилась Роза, выходя, а Манни семенила рядом и бухтела, как Антоновна на цены и президента:

– Вот сейчас всё раздадите крестьянам, а потом нам нечего будет есть целую зиму... Даже и сдаваться не надо будет, просто подохнем здесь от голода, и варвары займут важный аванпост перед столицей... Чудесно, просто чудесно и волшебю!

– Магнолия, давай уже побыстрее. Хочу всё понять и обдумать.

Обдумывать Роза начала уже на стадии одевания. Процедура это оказалась долгая и ответственная. В смысле одежды. Манни подошла к делу серьёзно, и Роза начала понимать, что девочка так относится ко всему. И в этом было её отличие от Наташки, которая всё веселилась, всё развлекалась в подобном возрасте... Хихи-хаха с подружками, мальчишки, наряды и шушуканья в комнате. А Манни уже взрослая, несмотря на то что ей лет пятнадцать.

С Розы стащили несвежую рубашку, на тело натянули чистую, пахнущую знакомым сладким ароматом – до щиколоток и безо всяких кружавчиков. На неё полагалась ещё одна

рубаха – покороче, побелее и украшенная вышивкой из переплетённых розовых и голубых полосок. Потом Манни подала платье – простого покроя, с длинными рукавами и чудесного лилового цвета. Что за ткань, Роза определить сходу не смогла, но было очень похоже на мягкую шерсть, вытканную особым образом. На платье был повязан в два обхвата пояс-тесьма с кисточками, которые Манни завязала сбоку, тщательно повернув так, чтобы они лежали на бедре. Роза подняла руки, молча взирая на безобразие, которое звалось рукавами. Они спускались почти до самого пола, образуя такие же складки, как и подол, а на уровне кистей спереди были подколоты манжетой. Хорошо, что не просто дыру вырезали в рукаве, а то Розины руки вечно путались бы в поисках выхода.

Как же найти выход из создавшейся ситуации? Сдавать замок защитники не желали. Упорно не желали, и всё тут. Даже Манни готова была умереть с луком в руках... Понятно, что это дело чести – выстоять перед врагом, но голод... Нет, она, Роза, не готова смотреть, как умирают на её глазах люди, дети, маленькая Ками... Нет. А если сдать в варварам, что будет с ними после этого?

Вся в задумчивости, Роза безропотно дала натянуть на ноги толстые шерстяные чулки и подвязать их над коленками ленточками. В кожаные сапожки на шнурочках, доходившие только до щиколоток, пришлось влезать самостоятельно. А потом Манни покрыла голову Розы платком и спросила:

– Вам завязать покрывало на макушке или так оставить?

– Оставить, – машинально ответила Роза, представив себя в очипке. Очипок отчего-то сидел на круглом морщинистом лице старушки. Это ж она себя ещё в зеркале не видела... Есть ли здесь зеркало? Изобрели ли уже в этом мире столь полезный предмет?

– Сестрица, вам бы в часовню... Пошептать о спасении души и тела.

– Пошептать, – повторила Роза. – Пошептаться.

Почему они не говорят «молиться»? Может, и правда, не умоляют, а шепчут свои желания, надеясь на их исполнения? Нет, она сама шептаться не будет, это точно, однако срущие в Средневековье – набожные люди. Эти их пережитки... Впрочем, ведь Роза умерла и попала в чистилище, и ангела видела, и дьяволицу! Значит, они существуют! Значит, нельзя исключить возможности, что бог тоже есть.

– Да, пошептаться с Эло, спас он вас от смерти неминуемой. Надо бы ему даров... Да нет ничего в замке...

– Ничего, думаю, он не обидится, – хмыкнула Роза. – Показывай, где часовня.

В чужой монастырь надо идти, забыв о своём уставе. Там, небось, тихо, вот Роза посидит и подумает, что делать дальше.

Они спустились в холл первого этажа, и Манни толкнула низкую тяжёлую дверь. Та скрипнула, будто пожаловалась, и Роза аж всхлипнула от потока свежего воздуха, который во-

рвался в помещение. Ой как же хорошо на улице! Ой какой же тут смрад стоит...

– Оставь дверь открытой, – велела она Манни, жмурясь под прохладным осенним солнцем, стоявшим низко над горизонтом. – Впусти воздуха в замок, а то... Ну, нужен воздух людям.

– Застудятся ж.

– Зато не задохнутся, – пробормотала Роза, делая глубокие вдохи, чтобы насладиться свежестью.

Часовня находилась во внутреннем дворике, где росла пожухлая травка, среди которой вяло цвели чудные тюльпаны и ромашки. Роза прошла по щебню дорожки, наклонилась и на автомате пощупала землю. Сухая и серая. Удобреньица б... Хоть говна коровьего... Есть же у них корова, если сыр делают? Или коза... О, розы!

Она тронула поникшие головки на кусте, упавшие листья которого устилали землю. Жалко-то как, помрёт же! Подрыхлить землю надо и поливать хоть раз в день! А рядом пахучий куст – это лавровый. Аромат от него... Сказочный! Сразу даже пельмешек захотелось! Роза улыбнулась. Наверняка тут и магнолия растёт, и камелия...

Манни, неслышно ступавшая позади, тронула Розу за локоть:

– Пошепчите, сестра, и за себя, и за нас, грешных.

Роза кивнула, всё высматривая магнолию, а потом решительно вошла в крохотную полукруглую часовню. Места там

было – один человек стоя поместится, два уже не протолкнутся. Напротив входа была статуя. Вероятно, Эло. Кто ж ещё? Мужчина, с лёгкой небрежностью вырезанный из камня, улыбался, касаясь пальцами одной руки медальона со спиралью в круге, а другую протянув к Розе в жесте приглашения. Какой хороший, добрый бог! Улыбается...

– Эло, – тихонько позвала она и с усмешкой покачала головой. Ответит он ей, как же. И вдруг широко распахнула глаза. Бог улыбнулся шире и вдруг подмигнул ей. Самым натуральным образом!

Глава 4. Кролик в ячмене

Роза моргнула раз, другой, потёрла глаза. Улыбка бога не исчезла. Да и сухие цветы, венком надетые на шею статуи, вдруг чудесным образом ожили, расправили лепестки, в часовне запахло летом.

– Ни за что не поверю! – сказала сама себе Роза. – Это просто галлюцинации.

Статуя бога нахмурилась:

– Интересно, почему ты считаешь меня галлюцинацией? Сама же позвала!

– Я не звала!

– Ты сказала: «Эло», Эло – это я.

Статуя вдруг задвоилась, Роза снова зажмурилась, чтобы прогнать видение, а, когда открыла глаза, перед ней сидел на коленях у бога серый человечек. Он улыбался, как и статуя, а потом широким жестом обвёл часовню:

– Ну, как?

– Что как? – не поняла Роза. – Если вы хотите спросить: «Как мне пришёлся по душе новый мир?», я скажу – дерьмо, простите за выражение. Зачем вы меня сюда послали?

– Нет-нет-нет! Я не отвечу на подобные вопросы.

Возмущение, поднявшееся из глубины живота, заставило её выкрикнуть:

– Да как же так? Разве я не заслужила немного уважения?

Разве не заслужила отдых в раю?

Эло хмыкнул, с любопытством разглядывая Розу с ног до головы:

– Э, душа моя! Ты же не верила в меня! Ты вообще не должна была попасть ни в рай, ни в ад, ни даже в чистилище. Это ангел ошибся, ну да я его прощаю.

– А вы вообще кто?

Спросила, а сердце гулко ударилось о грудь, замерло, затикало, словно украдкой. Эло покрутил головой:

– А меня называют все по-разному. Кто богом, кто аллахом, кто творцом или ещё вседержателем. Тут меня зовут Эло.

– У-у-у, – протянула Роза, – как же вы умудряетесь за всеми так следить и всех спасти? На два мира работать сложно!

– Не два! – засмеялся серый человечек и показал запястье с чётками из серебристых бусин, нанизанных плотно на нитку, в несколько рядов облегающих руку: – Вот как создам новый мир, так добавляю одну бусину. У меня их много, и все любимые!

Роза выпрямилась, хмурясь, и посмотрела прямо ему в глаза. Попыталась сформулировать и подытожить:

– Значит, это вы бог. Но как вы... Разве можно быть повсюду одновременно?

– Можно. Нет, я, конечно, делегирую. Но стараюсь всегда сам следить за своими детьми.

Он снова улыбнулся, и Розе стало не по себе. Всё-таки

кто-то следит и знает о её поступках, о том, что подписи подделывала... Хлеб украла... А вдруг та женщина не выжила?

– Выжила, – усмехнулся Эло, и Роза вздрогнула. Он ещё и мысли читает! Разозлилась. Сидит тут такой весь из себя добренький, а то, что люди в замке умирают, его не касается! Мог бы, между прочим, варваров и домой отправить, ему это раз плюнуть! Но нет, он будто бы ни при чём, играет в куклы, как жестокий ребёнок!

– Не надо так, – он качнул головой укоризненно. – Я не кукловод, ни в коем случае. Я всегда даю своим детям свободу выбора. И те, кто осаждает замок, тоже мои дети.

– Война – это плохо! Это... это такая вещь, которую нельзя допускать!

Голос Розы сорвался на самой высокой ноте, и Эло приложил палец к губам:

– Ты хочешь, чтобы тебя слышали снаружи?

– Пусть слышат! Решат, что на их глазах случилось чудо, и я разговариваю с богом! А что мне посоветует бог? Сдать замок захватчикам или подышать медленной страшной смертью?

Эло соскочил с коленей статуи, оказавшись совсем рядом с Розой. Она вжалась в дверь, внезапно испугавшись божьего гнева. Если это правда, и он на самом деле тот, за которого себя выдаёт, то может испепелить её на месте одним лишь взглядом!

Но бог не сердился. Он снова улыбался. И выглядел, как

старшая медсестра Горячева, которая знала всё обо всех и тщательно хранила компромат в глубинах своей памяти. Роза поёжилась, снова спросила, только чтобы прервать паузу:

– Так что мне делать? Они там ждут от меня каких-то действий, а я в душе не е... чаю, что делать!

– Роза, ты же умная женщина, – мягко сказал Эло, движением пальца оживляя чуть поникший венчик тюльпана на статуе. – Ты же понимаешь, что, если мучишься над выбором, то у тебя уже есть решение. Просто тебе хочется, чтобы кто-то подтвердил или опроверг. Я прав?

– Вы бог, вам виднее, – пробурчала она. Да, он прав. У неё есть решение. Но разве может она подвергнуть едва ли меньшей опасности тех, кто живёт в замке? Варвары жестоки... Ведь читала книги про Средневековье. Да и внуки рассказывали. Человеческая жизнь, женское достоинство, дети – всё это малая ценность с таким менталитетом. Если варвары убьют всех? Если изнасилуют женщин, а главное – девчонок несовершеннолетних? Разве это лучше, чем просто умереть?

– Роза, ты найдёшь выход, – снова улыбнулся Эло, мягко и славно, точно сосед Пахомыч – хоть и запойный алкаш, а добрый к детям, услужливый и уступчивый. Ишь. Найдёт она выход. Да уж конечно найдёт. Но будет ли этот выход оптимальным, как сказала бы заводделением?

– Зачем вы меня сюда забросили? – вздохнула Роза. – Да ли бы помереть спокойно...

– Ты не должна была умирать, – ответил Эло. – Видишь ли... Эх, ладно, открою тебе тайну, но она будет последней. У тебя скоро родится праправнучка. И ты должна была умереть в тот же день, чтобы... Ну, ты понимаешь. Ты стала бы ею. Но не сложилось.

– Какая такая пра-пра... Подожди-ка, это что Витюнькина, что ли? Так он же студент! Он же не женат ещё!

– Чтобы дети рождались, жениться необязательно! – откровенно рассмеялся Эло. – Всё, тш-ш-ш, я тебе этого не говорил! Это секрет, и ты теперь должна жить жизнью Розиты Хогван! Больше никакой информации о прошлой жизни и тех, кто там остался!

Роза ощутила жар в голове и приложила ладонь ко лбу. Витюнька, любимый правнучек, ребёнок ещё – и вдруг у самого ребёнка... Ой, ой... Что скажет Тонечка, внучка? Ой, только бы свадьбу хорошую сыграли, а квартиру пусть её, Розину отдадут! Всё равно записана на Витюньку... Только б не начали ругаться из-за квартиры, да за внуков она спокойна, а вот невестки и зятя...

– Господи... – прошептала она в смятении, и Эло тут же отозвался:

– Да, дочь моя?

– Ох, я и забыла, что вы... Слушайте, а вы можете? Ой, что я говорю! У них всё будет в порядке? А девочка родится здоровенькая? А кто мамочка?

– Слишком много вопросов, Роза, – строго ответил Эло,

но тут же подобрел и тихонько добавил: – Всё будет отлично, и девочка родится здоровой, вырастет и станет уважаемым доктором. Но теперь точно всё. Иди, дочь моя, и живи так, как ты умеешь.

– Слава тебе, господи, – Роза машинально перекрестилась, как делали это прихожане в её мире. Потом спохватилась и попыталась повторить жест святого брата. Раз уж она останется в этом мире, то надо привыкать.

А когда глянула на Эло, то есть, на то место, где он был, серый человечек уже исчез. Ну вот, пожалуйста. С него и взятки гладки, а что ей делать? Роза вздохнула. Придётся решать. Самой. Ну, бог-то, конечно, был прав. Не видит она другого выхода, кроме как сдаться варварам. Однако тут надо хитрить. Как говорила одна из любимых героинь – нет ничего невозможного для человека с интеллектом. Придумает на ходу...

Толкнув дверь, Роза вышла в замковый двор. Небо, свинцовое и низкое, нависало над чахлыми деревьями и каменными стенами. Она подняла лицо, подставив его порывам прохладного ветра, поёжилась. Манни, стоявшая у лаврового куста, обернулась:

– Ну что же, сестрица, вы пошептали с Эло?

– Пошептала... сь.

– Что же он сказал вам? Вдохновил на оборону замка?

Роза промолчала. Обняв руками плечи, вздохнула, потом сказала:

– Холодно тут...

– Я велю принести шаль. Что же с замком?

– Ты всерьёз думала, что бог пришёл и дал мне все ответы на вопросы? – с лёгкой горечью в голосе спросила Роза. – Боги так не делают. Они дают право выбора.

– Сделали ли вы выбор, сестрица?

Манни казалась встревоженной. Она мяла сцепленные в замок руки, и Роза обратила внимание, что кожа на кистях у неё грубая и в цыпках. Надо девочке кремом мазать... А крем придётся делать самой... Из масла подсолнечного или ещё какого, который есть. Выбор? А какой выбор можно сделать?

– Я хочу поговорить с солдатами, – сказала Роза на выдохе. Вояки подскажут, как лучше. Никто, кроме них, не знает всё о варварах.

– С солдатами так с солдатами, – Манни пожала плечами и жестом пригласила Розу в сторону массивных ворот. Деревянные, толстые, с железными заклёпками и обшитые полосками металла, они сидели глубоко в высокой нише стены и плотно закрывали выход. В этот момент Розе показалось, что там, за стенами, жизнь, зелёная трава, чистая вода, тёплое солнце. А здесь, в стенах замка, только серость, холод и смерть. Возможно, и чернокрылый ангел летает над замком, высматривая, кого можно унести в чистилище...

Во дворе было пусто. Одинокая курица квохтала где-то у стены, копаясь в пожухлых зарослях лебеда. Лебеда – это

хорошо. Из неё в войну делали хлеб... А кура явно опасалась выходить на открытое пространство, чтобы не поймали и не съели. Солома на камнях брусчатки, между которыми упорно и упрямо пробивалась сорная трава, напомнила Розе о корове или козе. Остались ли животные в замке? Молоко было бы неплохо давать детям...

– Рэй! – Манни стукнула кулаком в маленькую дверцу рядом с воротами. – Лисса Розалия желает поговорить с тобой и остальными!

Внутри зашевелились, зашаркали подошвами, и дверь скрипнула, отворившись. Сначала Роза увидела большой клоч седых волос. А потом поняла, что мужчина, которого Манни назвала Рэем, был стариком. Борода с усами надёжно скрывали низ его лица, а обветренный лоб прятался под лохмами «перец с солью». В морщинистых веках глубоко сидели маленькие чёрные глаза, смотревшие с неожиданным уважением. Старик нахлобучил на голову шлем из мелкой кольчуги и низко поклонился, проскрипел:

– Лисса Розалия, хорошо, что вам стало лучше. Что бы мы делали без вас, даже представить не могу.

Роза оглянулась на Манни, та подняла брови. Мол, чего молчишь, скажи, что хотела. Да, надо сказать...

– Спасибо, Рэй. А где остальные... бойцы?

– Кто? А, мальчишки... А я позову их! Грэм! Вильор! А ну вниз! Лисса хочет вас видеть!

– Я поднимусь! – остановила его Роза и бросила уже на-

чавшей возражать Манни: – Сказала поднимусь. Я хочу посмотреть со стены.

Не ожидая укоров младшей, она подобрала юбки и шагнула в дверь, заставив старика посторониться. В башне воняло ещё почище, чем в замке. Ссут они прямо здесь, что ли? Нет, так невозможно жить... Их всех надо учить вообще самым элементарным вещам, начиная с личной гигиены... Туалеты с банями строить.

Тёмная лесенка, скрипевшая под ногами, привела её на стену над воротами. Деревянный настил крыши закрывал её от дождя и солнца, а узкие бойницы позволяли рассмотреть местность по кусочкам. Если, конечно, не высовываться. Но этого делать Роза не собиралась. При виде её двое оборванцев в лохмотьях и с арбалетами вскочили навтыжку и, похоже, даже дышать перестали. А может, это потому, что сзади пыхтел Рэй, вскарабкавшийся по ступенькам за лиссой. Мальчишки имели вид презабавный. Но смотрели серьёзно и устало. Роза осмотрела видимый кусок стены и сказала:

– Здравствуйте. Как вы тут? Проголодались? Я велю Манни принести вам супа...

– Благодарствуем, лисса Розалия, мы уж как-нибудь, – отчеканил старший из парней, переглянувшись с младшим.

– Я хотела посмотреть, чем занимаются варвары, – сменила тему Роза, подумав про себя, что им неплохо бы и двойную порцию принести. Старший кивнул в сторону поляны, где расположился лагерь захватчиков:

– Дак это... Жрут, сволочи, и дристают. Жрут и дристают. Не в коня корм...

И вздохнул. Роза осторожно выглянула из-за стены в бойницу. В лагере царило вялое спокойствие. Будто, натренировавшись в ложном бою, воины утомились, пообедали и уснули. Костры уже дымили слабенько, вполсилы – дремали до ночи. Шкуры шатров блестели на солнце, и казалось, что они были сделаны из мягких листов тёмного металла. Повозки, окружавшие лагерь, походили на утыканных иголками ежей – из них торчали копья, угрожающе направленные на замок. Лошади, потряхивая косматыми головами и обмахиваясь длинными хвостами, лениво паслись у окраины леса. Скрытая сила была во всём. Словно тигр, тяжёлый и с виду неповоротливый, лагерь отдыхал, готовый проснуться по первому сигналу и одним точным броском уничтожить опасность.

Однако не всё было так спокойно, как казалось. Кое-где фигуры страшных воинов, скорчившиеся пополам, корячились по кустам и зарослям тростника у воды в очень характерных позах. Иногда до замка доносился тяжкий стон человека, который хочет, но не может облегчиться. Или уже облегчился, а из него ещё хлещет... Роза только головой покачала. Всё понятно. Кишечное расстройство овладело варварами. Пылающие изнутри кишки выведут из строя любую армию.

А ей, Розе, это только на руку.

– И давно они так? – спросила рассеянно, думая о возможной причине болезни. Парень пожал плечами:

– Со вчера.

– Вот нам жрать нечего – мы и не дристаем, – хмыкнул Рэй в бороду. Роза обернулась к нему:

– Будет чего. Мне нужен один из солдат для охраны и белая тряпка. Есть что-нибудь белое?

– Дак это... Найдём. А зачем?

– Пойду к их главному договариваться.

Рэй нахмурился так, что волосы с бородой встопорщились вперёд, как озлобленные ежи:

– Эт что, замок сдавать надумали, лисса? Отец ваш никогда бы...

– Где он? – перебила его Роза.

– Дак это... Схоронили уж лет эдак... семь, что ли.

– Значит, его здесь нет. Вопрос закрыт. Я пойду обговаривать условия сдачи замка.

Она и сама удивилась, каким твёрдым оказался голос. Прав был Эло. Роза приняла решение, ещё когда увидела голодающих крестьян и больных детей. Там посмотрим, что дальше. Проблемы надо решать по мере их поступления.

Рэй спускался впереди, качая головой и бурча в бороду. Недоволен. Ну а что поделать? Люди всегда недовольны, когда политика партии меняется на сто восемьдесят градусов. Но привыкают, приспособливаются. Вот Роза приспособливалась. И эти поймут. Попозже, не сразу...

За Розой шёл старший из мальчишек, Вильом. На его лице застыла маска негодования, которое он не решался высказать лиссе в лицо. Ну, это в нём юношеский максимализм играет. Всё или ничего. Смерть с гордо поднятой головой, даже если это смерть от голода. Нет, милый, подумалось Розе, ты не помрёшь. Не допустит она смертей. Не для этого серый человечек её сюда забросил.

Манни ждала у ворот. Розе на мгновение стало её жалко – такой тревожной и взволнованной выглядела девочка, но жалость быстро прошла. Потом будем плакать и сокрушаться. Младшей сестре придётся понять и принять решение старшей.

– Манни, мне нужен белый флаг, – сказала по-простому и улыбнулась. Девушка испугалась:

– Эло с вами, сестрица, для чего вам это?

– Для переговоров... или как это у вас говорится? Договариваться с варварами пойду.

Глаза Манни вспыхнули злым огнём:

– Вы всё решили сама? Проснулись сегодня, решили – а растопчу-ка я память наших родителей, память предков, прогнусь-ка под ярмом варваров, ибо погода больно хороша! Так?

– Не так, – мягко ответила Роза. – Это лучший выход из сложившегося положения. Снимут осаду, крестьяне вернутся к своим урожаям, а мы сможем пополнить запасы провизии. Никто не умрёт.

– А вы, сестрица? Не умрёте под этим дикарём?

Роза удивлённо глянула на Манни. Почему «под»? Ездить он на ней будет? Или это в переносном смысле? Нет, похоже, в самом что ни на есть прямом. Выпрямившись, спросила:

– О чём это ты? Объясни, пожалуйста!

– Ах, простите меня, благородная лисса! Мы же тут все слишком хорошо воспитаны, чтобы в лицо говорить такие вещи!

Издвательский тон младшенькой покоробил Розу. Она улыбнулась холодно:

– Допустим, я не так уж и хорошо воспитана, поэтому попрошу в деталях: о чём ты говоришь? Память у меня что-то никак не восстанавливается.

Глянув на Рэя и Вильома, Манни ласково взяла Розу под руку и повела во двор, подальше от солдат. Потом сказала тихим ядовитым голосом:

– Вы, сестрица, цель осады. Варвары земли наши хотят, а их законы позволяют отбирать только вещи, которые они смогут унести. Чтобы занять земли, их главарь должен оставить наследника владелице замка. То бишь, дорогая сестрица, вам.

– На... наследника? – икнула Роза и вдруг рассмеялась. Нет, правда! Смешно же! Варвар тут на смотрины приехал, стоит обозом и ждёт, когда же невеста соизволит открыть ворота! А невеста кочевряжится и ножкой топает – не дамся тебе, охальник!

– Наследника! А чего вы так развеселились, сестра? Может, вам водички? Вы в себе?

Роза зажала рукой рот, пытаясь принять серьёзный вид, но не выдержала – захохотала громко и заразно. Перед глазами стоял образ разряженного варвара с букетом цветочков и с бутылкой шампанского – убиться от смеха!

– Не надо мне водички! – с трудом выговорила Роза и махнула рукой: – Раз так, то и белый флаг мне не нужен. Без него пойду, только мальчишку для приличия с собой возьму. А ты иди, проследи, чтобы всех накормили, а ещё баню приготовь. Есть какие-нибудь травы от поноса у вас? В смысле, у нас в замке?

– Вы сошли с ума! – прошептала Манни. – Мы пропали. Я соберу женщин и девочек, мы закроемся в верхних покоях и будем обороняться до последнего... Ели придётся убить себя, каждая из нас сделает это без сомнений!

– Если кто и сошёл с ума, то это не я, – ответила ей Роза. – Никто никого не тронет, понятно? Я тебе обещаю.

– Вы не можете обещать, сестра. Вы не понимаете, они войдут в замок и всех нас... всех... А он – вас. Мужчин убьют... А женщин...

– Всё будет хорошо, Манни, – сказала Роза. – Никто не пострадает. Иначе я сама убью этого варвара.

Злость в глазах младшей сменилась на горечь и жалость. Похоже, девчонка всерьёз решила, что Роза сдвинулась по фазе. Ну и пусть, ничего страшного. Роза не дурочка, обо

всём этом уже думала. Варваров надо обязать вести себя прилично. А как – посмотрим по ситуации.

Она отвернулась от сестры и двинулась обратно к воротам. Рэй ждал, опираясь на стену, а Вильом с серьёзным видом осматривал свой арбалет, начищая его пучком соломы.

– Открывайте ворота, – с улыбкой сказала она. – Вильом, ты пойдёшь со мной для охраны.

– Вы же не собираетесь всерьёз... – начал было Рэй, но махнул рукой. Видно, решил не спорить с хозяйкой. Лязгнули засовы на двери, старый вояка потянул за железное кольцо. Створка ворот открылась медленно, словно неохотно, и Роза вдруг испугалась. Вернётся ли она в замок? Не умрёт ли бесславно из-за неправильно принятого решения? Оглянулась на Манни, Вильома. Сестра шептала что-то, постоянно крестясь, а парень раздувал ноздри, как молодой жеребец, готовый нести всадника в бой.

– Ну что, вперёд и с песней? – спросила у Вильома Роза. Тот наморщил лоб, пытаясь понять, что хочет хозяйка, и кашлянул, а потом басом затянул:

– Разверзлось небо над землёй, и чёрный ворон пролетел...

– Нет! Не надо! – засмеялась против воли Роза. – Это я в переносном смысле. Пошли молча.

– Эло с вами, лисса Розалия, – напутствовал её старик, и Роза шагнула на брусчатку дороги, ведущей вниз, в долину, в лагерь варваров.

Впоследствии, думая об этом моменте, Роза силилась вспомнить, что именно она чувствовала и о чём думала, но не могла. Туман был в голове, туман перед глазами, туман в душе. Эмоции словно отошли на задний план, прячась, и только тупо работали мышцы, неся чужое тело вперёд.

– Стой!

Роза вздрогнула и застыла как вкопанная. Лязгнул меч в ножнах за спиной, а дорогу загородили двое полуголых воинов, одетых в самые настоящие набедренные повязки из грубо выделанной кожи. На плечах мужчин лежали небрежно накинутые покрывала из меха, зубы скалились в улыбках, а взгляды беззастенчиво шарили по фигуре Розы. Она слегка испугалась, что пришёл тот самый бесславный конец, и тут же подумала о Вильоме. Бросила через плечо:

– Убери меч, – а потом вздёрнула нос, выпрямившись, и сказала варварам: – Я хочу говорить с вашим начальником. Отведите меня к нему.

Переглянувшись, воины синхронно хмыкнули, и левый кивнул:

– Пошли.

Их отконвоировали к лагерю. Роза, злясь на себя, думала только о том, что зубы у варваров наполовину гнилые, а раны были защиты совершенно безобразным образом, потому что шрамы вышли кривые и некрасивые. Ну какое ей дело до этих захватчиков? Пусть хоть все поумирают от сепсиса! И тут же спохватилась: нет, так нельзя! Это не её мысли, не Ро-

зы. А вовсе Розитины. Та ненавидела варваров. Роза же стала медсестрой, чтобы помогать людям независимо от их положения и статуса. Пусть и враги, но они больны. Держаться надо с достоинством, но о ненависти не может быть и речи.

Достоинство помогло пересечь лагерь до самого высокого и широкого шатра. Один из охранников откинул шкуру от входа и нагло втолкнул Розу внутрь. Вскрикнув от неожиданности, она чуть не упала, но удержалась на ногах. И сразу увидела того, кто обрёк замок на голодную смерть.

Молодой, какой же он молодой! Мальчишка ещё, наверное, лет двадцати пяти... И такие у него цепкие, злые глаза, такая жёсткая усмешка кривит губы, такое неприятное выражение лица! Он красивый, не такой страшный, как его охрана, длинноволосый и безбородый, но как же, наверное, с ним сложно будет договориться... Роза тихонечко вздохнула, оглянулась, ища взглядом Вильома, и не нашла. Спросила у молодого военачальника, который как раз обсасывал обглоданную ножку жареной птицы:

– Почему моего солдата не впустили?

– А зачем мне твой солдат? – усмехнулся варвар и смачно рыгнул. С противной улыбкой протянул Розе кость: – Голодна? Лови!

И бросил ей.

Глава 5. Отвар коры дуба

Розитино тело оказалось быстрее Розиного мозга. Она рывком отклонилась, и кость попала в стоявшего за спиной варвара. Тот прикрыться щитом не успел и получил прямо в нос. Слова, сказанные им, Роза не поняла, но парень явно не здоровья желал своему начальнику. Зато главный варвар захохотал с довольным видом. Потом спросил:

– Чем обязан? Пришла мне вручить ключ от замка? Самолично?

Пренеприятнейший тип. Розу даже передёрнуло от его голоса. А варвар продолжал глумиться:

– Быть может, ты хочешь купить у нас немного еды? Но мы не продаём и не подаём!

– Ваша еда мне не нужна! – как можно более высокомерно ответила Роза. Подбородок сам собой вздёрнулся, и это тоже было памятью тела. Словно Розита помогала ей держаться. – Тем более, она явно не так уж свежа.

– Эта утка, – он отломил от жареной тушки вторую ножку и впился в мясо зубами, – сочная, жирная и свежая!

– Отчего же тогда половина вашей армии сидит по кустам? – усмехнулась Роза.

– Объелись! – варвар фыркнул, как пёс, глотнувший пыли, но глаза его помрачнели. Она заметила и обрадовалась: значит, попала в точку. Армия больна, самое время начинать

переговоры.

– А мне кажется, что их пронесло, благородный варвар!

– С чего такая забота о моих солдатах?

– А вдруг это холера или брюшной тиф? Я забочусь о себе и своих людях, – веско сказала Роза.

– Глупости, – совсем мрачно буркнул варвар.

– У вас есть врач?

– Что?

– Лекарь! Знахарь! Человек, который лечит.

– Я его казнил, – усмехнулся он. – Он лечить разучился.

– Нельзя так с... врачами, – с упрёком пробормотала Роза.

– Лисса Хогван, ближе к делу! Зачем пришла?

Она вздохнула, набираясь храбрости. Как сказать? Резануть правду-матку? Или попробовать подластиться? Нет, надо прямо.

– Я согласна сдать вам замок, господин... Не знаю, как вас зовут, простите.

– Закар Имрийский, младший сын великого вождя Уриса Имрийского, – варвар встал, подбоченившись, и у Розы чуть глаза не вылезли из орбит. Господи, Эло, серый человечек! Вот подкинул мужчину так подкинул! Противный, конечно, но какой статный и мускулистый! И как не холодно только... Они вроде южане, народ теплолюбивый. А тут как бы север, прохладно, осень... И все неодетые.

– Очень приятно. Роза.

– И замок твой, Роз-за, я возьму измором сам! – он при-

щурился, положив ладонь на рукоятку меча, который стоял рядом с ложем.

– И зачем вам пустой замок с горой трупов, Закар Имрийский? – ехидство само вылезло наружу, хотя Розе совершенно не шутилось. – Насколько я понимаю, землю в таком случае вы присвоить себе не сможете? А армия ваша помрёт от обезвоживания.

Снаружи послышался долгий стон боли и топот сапог, а потом в шатёр заглянул растерянный Вильом:

– Там это... охрана дростать побегла!

Закар сбледнул с лица, а Роза покачала головой:

– Лечить их надо. А то и вы, господин варвар, скоро до кустиков поскачете!

– Шамана ко мне, быстро!

– Шаман вам не поможет, – мягко улыбнулась Роза. – А вот я могу.

– Ты что же, лекарь, женщина? Или умеешь колдовать?

Закар оскалился в улыбке, больше похожей на риктус, а Роза вспомнила вихрик, вырвавшийся из её пальца. Нет, вряд ли это магия, и уж тем более, вряд ли полезная. Поэтому в ход пойдёт другая «магия». Дизентерию можно купировать кипячением воды, мытьём рук, тщательной уборкой и регидратацией. Не вылечить, но прекратить распространение. Антибиотики ещё не придумали...

– Я лекарь. Я вылечу вашу армию, но за это попрошу выполнить одно условие.

– Условия? Ты смеешь ставить мне условия?!

– У вас нет выбора. Я знаю, как лечить кишечные расстройства, а вы – нет, – усмехнулась Роза.

– Чего-о-о?

– Того-о-о! – не выдержала она и рявкнула: – У меня есть условия. Выполните – вылечу, не выполните – все сдохнут!

Варвар, ходивший по шатру, остановился и глянул на Розу новым взглядом, удивлённым и недоверчивым. Словно пытался понять: правда ли, или ему просто послышалось, что хозяйка замка Хогван накричала на него. Потом нахмурил брови, отчего на лбу, чуть выше переносицы пролегла вертикальная морщинка. Такая же была у Вити, потому что он часто сводил брови, когда дети не слушались... А вот нос другой был у мужа: длинный и прямой, с чуть заметной курносиной. Тут же прямо настоящий римский носище!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.